

Проводник
в иную
реальность

**СБОРНИК
ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ**

Москва
2024

Литература прямого действия

Российская литература переживает интересное время. Многие годы порядки в ней диктовали издательства-монополисты и чиновники, придерживающиеся либеральных взглядов на культуру. В приоритете были авторы, работавшие в определённых ими параметрах. В первую очередь это касалось отношения к исторической и современной России. Оно по умолчанию должно было быть критическим. Темы сталинских репрессий, лагерей, унижения и преследования (как отдельных людей, так и целых народов) были обязательными для произведений, претендующих на получение престижных литературных премий, открывающих дорогу к признанию и тиражам. Если с тиражами «помогали» структуры, расписывающие обязательное поступление книг лауреатов в магазины и библиотеки, то пиар-сопровождение обеспечивалось усилиями ангажированных критиков, переквалифицировавшихся в рекламных «текстовиков» и литературных блогеров. Сегодня ситуация меняется. Часть авторов, считавшихся в своё время лидерами общественного мнения, оказалась «далече», изменилось и само отношение к России. Наглядным примером этого стала учреждённая недавно Союзом писателей России и Российским книжным союзом литературная премия «Слово», по своему материальному наполнению вставшая вровень с «Большой книгой» и «Ясной Поляной». Станет ли она ежегодной, приобретёт ли государственный статус – вопрос открытый, но первый шаг в этом направлении сделан.

Ещё недавно было принято считать, что наша литература по всем позициям уступает переводной западной, что в ней редки яркие имена и произведения, способные увлечь читателя. Сейчас выясняется, что это не так. Долгое время огромный пласт отечественной словесности существовал как кантовская «вещь в себе», на задворках премиального праздника литературной жизни. Ситуация изменилась, и авторы выходят к читателю с вполне зрелыми, интересными и оригинальными произведениями. Примером этого служит сборник с прозой Софии Агачер, Вячеслава Власова, Виктора

Слипенчука, Игоря Англера, Игоря Озёрского, стихотворной подборкой Василия Мурзина.

Это типичный срез современной российской литературы, дающий представление о её разнообразии, самостоятельности, тематической и стилистической широте. Это одновременно «литература человека» и «литература темы». Каждый из представленных в сборнике авторов, а это люди разных поколений, эстетических взглядов и жизненного опыта, несёт читателю свою правду, свою боль, главное же – своё понимание того, что сегодня происходит в стране, мире и душе человека.

Белорусская писательница София Агачер написала пронзительный, исполненный пророческих предсказаний и глубоких наблюдений роман о причинах и последствиях Чернобыльской катастрофы «Журнал Рыси и Нэта». Это одновременно экологический и психологический триллер, заглядывающий как в прошлое, так и в будущее человеческой цивилизации. София Агачер – не только литератор, но и автор многих научных статей, медик, кандидат наук. Она – автор романа «Твоими глазами», удостоенного престижной литературной премии в Германии. Рассказы и эссе Софии Агачер публиковались в журналах «Юность», «Дон», «Север», в «Литературной газете», «Независимой газете». Роман «Дневник Рыси и Нэта» – гимн белорусской природе, пострадавшей по вине людей. Группа белорусских и французских учёных ведёт научные исследования в запретной зоне Чернобыльской АЭС. Каждый из героев романа – яркая личность со своими психологическими комплексами, житейскими и научными интересами. Соприкосновение с существующей по своим, лежащим вне линейной реальности законам «зоной» для каждого из них оборачивается потрясением. Кто-то переносится в недавнее прошлое, кто-то встречается с давно ушедшими предками, кому-то открываются космические тайны мироздания. Автору удалось связать в единый узел проблемы биологии, медицины, высоких технологий, экологии и антропологии, создать собственную версию будущего нашей планеты. София Агачер верит, что человечество сумеет сделать шаг назад от пропасти, к которой его привели слепой (бездуховный в понимании автора)

технический прогресс и потребительское отношение к живой природе.

К недостаткам романа, на мой взгляд, можно отнести излишние, не сказать, чтобы глубокие, комментарии героев по каждому эпизоду романа. Их можно сократить или сделать более точными, чтобы каждый добавлял что-то новое к личности автора комментария, высвечивал его как думающего человека и учёного, а не как работающего на аудиторию блогера.

Несмотря на определённые издержки, роман Софии Ага-чер крайне актуален сегодня, когда мир стоит перед угрозой ядерной войны. Автор ставит закономерный вопрос: не явится ли исчезновение *homo sapiens* спасением для планеты, которая уже пережила несколько человеческих цивилизаций и, вне всяких сомнений, сумеет, как свидетельствует чернобыльская «зона», восстановить свой природный баланс, но уже без нас.

Вячеслав Власов – член Союза российских писателей, по образованию юрист, поклонник творчества немецкого композитора Рихарда Вагнера, с лекциями о творчестве которого он выступает на разных площадках. Повести и рассказы этого писателя публиковались в журналах «Аврора», «Невский альманах», сборниках и альманахах Союза российских писателей. Рассказ «Рандеву с мадам Мишель» (Петербургские гастроли Рихарда Вагнера) подкупает глубоким знанием автором истории и быта Петербурга второй половины XIX века. Власов погружает читателя в сложный мир музыкальной жизни России. Рассказ читается легко и с интересом. Автор даёт точные характеристики занимающихся гастролями Вагнера русских композиторов и исполнителей. Особое внимание он уделяет представительницам императорской фамилии, умно и тонко решающим разного рода протокольные вопросы, связанные с визитом Вагнера. Личностью этого немецкого композитора интересовались и продолжают интересоваться многие писатели. О Вагнере писал Марк Алданов, изображая две стороны его личности – гениального композитора и человека. По Алданову, Вагнер, несмотря на свою гениальность, как человек был не лишён недостатков. Вячеслав Власов создаёт более симпатичный и гармоничный образ композитора, с мягким юмором касаясь

таких его черт, как прижимистость, упорство в переговорах о вознаграждении за свои выступления. Автор знает, понимает, а главное, любит то, о чём пишет. В упрёк ему, по моему, можно поставить разве что некоторую монотонность повествования, подчёркнутую стилизацию под литературу XIX века. Современные читатели привыкли к другому ритму прозы и более динамичному развитию сюжета.

Виктор Слипенчук – известный писатель, поэт, драматург. Его рассказ «Термин Никоро» построен на реалиях советского времени, когда звания и признание в науке зачастую получали не самые талантливые, а идеологически «правильные» учёные. Автор показал молодого человека, ещё не решившего, с кого «делать жизнь». На научном симпозиуме ему предстоит нелёгкий выбор – заняться карьерой, опираясь на мнение начальства, или торить в науке собственный путь, как это делает известный учёный – женщина по фамилии Никоро. Он разговаривал с ней только несколько минут, но она подкупила юношу своей душевностью и тактом. Глядя на неё, он понимает, что всё истинное, в том числе и талант, выглядит естественно и просто, тогда как бездарность, наоборот, стремится выглядеть важно и вести себя по отношению к подчинённым презрительно и строго. Но какой выбор сделает герой, остаётся за кадром рассказа.

Виктор Слипенчук – писатель с огромным жизненным опытом. Ему знаком труд геолога, зоотехника, матроса, строителя, журналиста. Он автор многих книг стихов, повестей и романов. В опубликованную в советское время хронику океанского рейса (повесть «За мысом поворотным») Слипенчук органично встроил социально-психологический конспект низовых народных трудовых начал – основной движущей силы экономического могущества СССР. В другой повести – «Смеющийся пупсик» – показал простую, если не сказать – бесхитростную, красоту, доверчивость, открытость добрым и естественным человеческим чувствам подростков из заурядного совхоза. Это повесть о первой любви. По чувственной наполненности её можно сравнить с такими классическими произведениями на вечную тему, как «Дикая собака Динго» Фраермана и «До свидания, мальчики!» Балтера. Роман Виктора Слипенчука «Зинзивер» переведён на китайский и

французский язык. Рассказ «Термин Никоро», хоть и принадлежит другому времени, интересен вечной коллизией выбора молодым человеком жизненного пути.

Писатель Игорь Англер работает в современной манере. Повесть «Смерчельный пируэт подлодки» – реконструкция сложных психологических переживаний израильских подводников, перегоняющих приобретённую еврейским государством подлодку из Великобритании в Средиземное море. Писатель получил техническое и юридическое образование. Он свободно ориентируется в морской тематике и в психологических особенностях поведения героев в различные моменты жизни, допустим, когда один из них вдруг узнаёт об измене горячо любимой жены. Игорь Англер – автор нескольких книг, как серьёзных («Слышащий Сердце», «Операция Ди-строфик»), так и юмористических («Хроники весёлой пекарни», «Раздолбаи успеха», «Авантюристы»). Он публиковался в различных журналах, альманахах и сборниках. Его проза – сплетение психологии, политики, геополитики с изрядной долей юмора. Однако складывается впечатление, что автор ориентируется на экспериментальную литературу модерна с её размытыми художественными и нравственными символами. Хочется посоветовать ему писать проще, ближе к жизни, брать темы, представляющие интерес для широкого круга читателей.

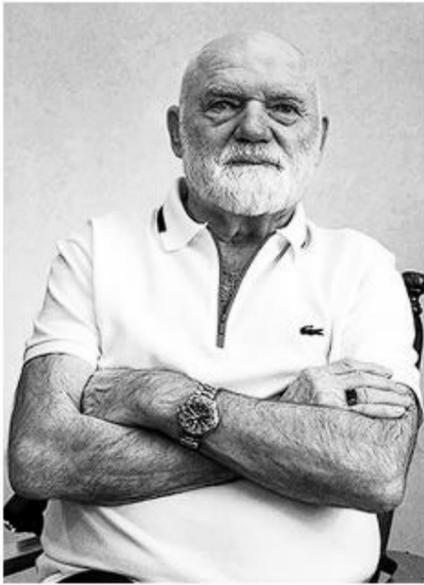
Игорь Озёрский в притче «Лун Дао» создаёт собственную версию знаменитой пьесы Евгения Шварца «Убить дракона». Юрист по образованию, Игорь Озёрский работает в жанре интеллектуальной психологической прозы. Он публиковался в журналах «Аврора», «Бельские просторы», «Нижний Новгород», «Кольцо А», был лауреатом и финалистом многих литературных конкурсов, премии имени А.Б. Чаковского «Гипертекст». Проза Озёрского изысканна и лирична, он мастерски стилизует свою философскую притчу под жанр классической китайской литературы. Героиня, явившаяся отомстить дракону за гибель любимого человека, проходит ряд испытаний и в результате победы над драконом сама становится им. Автор ведёт её, как по лестнице, от одной психологической коллизии к другой, заставляя отвечать на вечные вопросы, что есть любовь, страх, гнев, жизнь, смерть. Предмет

исследования Игоря Озёрского – жизнь души. Он точно фиксирует и передаёт нравственные колебания героини, отслеживает её постепенное превращение в дракона. Абсолютная сила и абсолютная власть, в понимании автора, есть зло, какими бы благородными целями они себя не оправдывали. Читать притчу Озёрского интересно, но ловишь себя на постоянном сравнении героини с рыцарем Ланцелотом из пьесы Шварца. Притча «Лун Дао» – очередная импровизация на тему бесчеловечности всепобеждающей силы, неизбежно превращающей её обладателя в опасного для окружающих деспота.

Василий Мурзин представлен в сборнике поэтической подборкой «Время, напоённое мёдом». Он автор нескольких книг стихов: «Обнуление», «Остров», «Жиза». Публиковался в журналах «Москва», «Вторник», «Свет столицы», в «Литературной газете», альманахе «День поэзии – XXI век». Главный герой его поэзии – русская природа, которую автор описывает как чудо, данное Богом для пробуждения светлых и добрых чувств в человеке. «И красота как зеркало // Застыло, // а я в него смотрюсь!» Василий Мурзин – поэт «между городом и деревней». Это вечная, со времён Некрасова, тема русской поэзии. Мурзин развивает её, учитывая необратимые реалии текущего исторического момента: «Бежать вдоль пятиэтажек // К дому, которого нет, // Но где пробьётся отважно // Память сквозь толщу лет». Проникновенно и искренне пишет поэт о простых людях, их трудах и заботах, неприятии ими многих современных реалий. Хороши стихи, где автор вспоминает детство. Возможно, стихотворениям Мурзина не всегда хватает пластичности, образности, стилистической гибкости, но его поэзия сильна прямоотой высказывания и искренностью. Хочется пожелать автору расширения «диапазона» поэтической мысли, более точной работы со словом, внимания к стилю и рифмам.

Представленные в сборнике произведения непохожих друг на друга авторов свидетельствуют, что российская литература живёт, развивается, ищет и находит своих читателей.

Юрий Козлов

Виктор Слипенчук

Поэт, прозаик и публицист, автор множества поэтических сборников, рассказов, повестей и очерков.

Среди его произведений – поэтические книги: «Свет времени», «Путешествие в Пустое место», «Чингис-Хан», «Тринадцатый подвиг Геракла», «Зигзаг». Романы – «Зинзивер», «Звёздный Спас», «Золотой короб». Пьеса для театра в десяти эпизодах «Губернатор».

Многие книги переведены и изданы во Вьетнаме, Китае, Монголии, Сербии, Франции, Японии. Родился в 1941 году в Приморском крае, в селе Черниговка. Окончил Омский с/х институт, двадцать три года прожил на Алтае и первое свое стихотворение опубликовал в 14 лет. Работал геологоразведчиком, зоотехником, матросом, рыбоводом, строителем и журналистом. В 1982 году Виктор Слипенчук был принят в Союз писателей СССР. После окончания Высших литературных курсов направлен на усиление Новгородской писательской организации, руководил областным литературным объединением, был редактором радиожурнала «Литературный Новгород» и газеты «Вече». С 1996 года живёт в Москве. В 2009 году избран академиком Академии русской словесности. В 2016 году Московская писательская организация вручила В.Т. Слипенчуку знак «Почётный писатель МПО РФ».

Сейчас в связи с законопроектом «Об образовании» мы много говорим о недостатках в образовании и науке. Сравниваем зарплаты педагогов и деятелей науки с зарплатами их коллег за рубежом. Сравниваем их качественный уровень подготовки и невольно с ностальгией вспоминаем советское время. Но практически мы ничего не говорим о Человеке в человеке. И мне вспомнился один случай из тех советских времён.

Виктор Слипенчук

Термин «Никоро»

Рассказ

Губкин стоял на лестничной площадке перед фойе в актовом зале и сквозь фикус осторожно наблюдал за молодым человеком в чёрном приталенном однобортном костюме. Он наблюдал осторожно, чтобы никто не заметил. По лестнице наплывами поднимались и проходили в фойе в основном мужчины – моложавые, гривастые, с благородной сединой и с туго набитыми кожаными папками под мышкой. По их осанистому виду легко угадывалось, что это маститые учёные.

Впрочем, Губкин к ним не присматривался. Никого из них он не знал, да и знать не мог. Полтора месяца назад вместе с директором госплемстанции он издал книгу «Бараны-производители Алтайского края» и на совещание генетиков приехал вместо него.

– Езжай – может, в науку пойдёшь. В новосибирском Академгородке, в Институте цитологии и генетики сейчас заправляет Дмитрий Константинович Беляев, знаешь такого? Породу серебристых норок вывел, – подсказал директор, но Губкин не знал. – Ты ничего не знаешь. Всё «Вечера поэзии»? Вон уже в газетах пишут, что биографию некоторых доморощенных поэтов надо искать в твоей книге «Бараны-производители...», интересно, на кого намекают?

– Вообще-то, не моей, а нашей, – защитился Губкин. – И потом – не кто-нибудь, а именно он пошутил, а корреспондент воспользовался его шуткой, причём весьма неудачно, – пояснил Губкин.

Зная по опыту, что директор всегда находится в добром расположении духа, когда называет его, как соавтора, на «ты», Губкин решил отказаться от командировки. У них, местных поэтов, запланирована встреча со студентами мединститута. Да и что Губкин скажет на конференции учёных о популяции Алтайской тонкорунной, если слово «популяция» отсутствует даже в словаре Ожегова.

Ничего хуже нельзя было придумать, чтобы взбесить директора.

И вот Губкин стоит в глубине лестничной площадки и осторожно наблюдает за молодым человеком в чёрном сверхмодном костюме. Молодой человек отвечает ему тем же, то есть и он наблюдает.

Чтобы не привлекать внимания, Губкин курит. Но так как курит для отвода глаз (третья сигарета), то забывает вовремя стряхивать пепел и раз за разом с ужасом сдувает его с костюма.

В этот момент он не наблюдает за молодым человеком. Потому что этот молодой человек – он, Губкин, отражающийся в большом трюмо за фикусом. И главным объектом наблюдения является вовсе не он, а шикарный костюм, оттенённый белой сорочкой и чёрным галстуком-селёдочкой, только что входящим в моду. «Да, это костюмчик из костюмчиков, – глубокомысленно думает Губкин перед началом конференции учёных-генетиков Сибири. – Такого костюма у него ещё не было».

Это его второй костюм. Они справили его с женой из превосходной английской шерсти – чёрной, двусторонней, с выпуклыми тиснёными рубчиками с блеском. Хорошая шерсть, очень дорогая, по сорок пять рублей за метр. Они бы ни за что не пошли на такие крупные расходы, если бы не мама Губкина. Побывав в гостях у молодожёнов (почти год скрывали ото всех, что они – муж и жена), мама сказала:

– Аллочка, а Валера-то при нас лучше одевался.

Когда она успела такое сказать, Валерий не слышал. Но она могла такое сказать. Поэтому когда жена купила этот отрез английской шерсти, Валерий только и нашёлся, что пообещать: со следующей полочки они и ей тоже купят что-нибудь хорошее. Он уже знает, где ему надо работать, чтобы получать приличные деньги.

Жена, улыбаясь, посмотрела на него с такой неизбывной ласковостью, что они невольно поцеловались. Но не так, как всегда, а с осторожностью, словно два лунатика. Губкин впервые вдруг почувствовал, что он – муж, а она, Аллочка, ему – жена.

«Да, костюмчик ещё тот», – самодовольно подумал Валерий Губкин, и в этот момент в его выражении лица проскользнуло что-то схожее с проплывающими в актовый зал лицами

гривастых учёных, украшенных благородной сединой. «В перспективе и я могу стать таким, причём повседневно», – подумал внезапно и с удовольствием.

Когда костюм наконец был готов и Губкин надел его, Алла сказала, чтобы подошёл к окну, поднял и опустил руки, опять прошёлся. Она была так увлечена осмотром костюма, и только костюма, – словно личность Губкина в нём отсутствовала. И он вспомнил, что мама точно так же оглядывала на нём его первый костюм.

Первый костюм был из синего габардина. И хотя не английского, но тоже двустороннего, плотного и толстого. Такого толстого, словно он был склеен из двух слоёв материи. Наглаженные на брюках стрелки никогда не держались, а штанины на коленях и рукава на локтях всегда пузырились. Мама не считала это таким уж большим недостатком. Главное, габардин был крепким – не сносишь. И действительно, в нём прошла вся юность и отчасти молодость Губкина. Костюм настолько опостылел, что Губкин иногда мечтал, чтобы его украли. Потому что так просто взять его и выбросить – не мог: мало того что он был первым – его справила мама.

Бывало, положит пиджак на лавку на студенческом стадионе, до сумерек заиграется с парнями в городки и, уходя со стадиона, позабудет о нём. Парни советуют: быстрее беги, а то унесут. А он отвечает: да ладно вам, уже поздно, завтра заберу. Наутро приходит на стадион – лежит пиджачишко как миленький, ничего не сделалось ему. Некоторые из однокашников даже завидовали: надо же, какой счастливый пиджак!

Однажды забыл его в электричке, так вагоновожатая бежала за Валерием до подземного перехода – и всё-таки настигла и осчастливила как бы комком ветоши. Подкладка пиджака вводила в заблуждение, расползалась на всякие лоскуты. Бессчётное количество раз менял её, а габардину хоть бы что! Только со временем на коленях и локтях материал стал голубовато-белым и до того истончился, что пузыри стали западать внутрь, напоминали ямки. Но тогда Губкин уже и не мечтал расставаться с костюмом. Тем более что местные собратья-поэты вообще даже о синем габардине ничего не слышали, ходили в каких-то драповых крылатках из бывших всесезонных пальто.

Прозвенел звонок. Хождение маститых учёных закончилось, но не звонок вывел Губкина из мечтательного состояния невесомости. Его вывел, а точнее, вытолкнул из состояния невесомости надтреснутый и миролюбивый голос, явно желавший расположить к себе.

– Не торопитесь, молодой человек, до начала мы вполне успеем покурить.

Женщина наклонилась, всем своим видом показывая, что желает прикурить (Губкин увидел в зеркале характерное движение). И тогда он, не глядя на неё, протянул свою руку с сигаретой к ней, а заодно как бы и отстранился от этой неизвестной женщины на расстояние вытянутой руки.

Он уже увидел в зеркале, хотя листья фикуса мешали, заставляли её лицо, что волос у неё чёрный, а стрижка короткая, как у комсомолок тридцатых годов. Она в расстёгнутом овчинном жилете, какой-то тёмной блузке и длинной чёрной юбке.

Скажем прямо – наряд не очень. Жилет на заплечье засажен, очевидно, от волос, – с высоты своего шикарного костюма вынес приговор Губкин и содрогнулся от мысли, что если бы не знал, где находится, то принял бы её за поэтессу из местного литобъединения, то есть за своего собрата-стихотворца. Во всяком случае, в литкружках полно поэтесс, переросших свой поэтический возраст.

Она, наверное, уборщица, или техничка. И хотя это одно и то же, пожалуй, в Академгородке вряд ли снизойдут до того, чтобы назвать кого-то уборщицей или уборщиком. Наверняка в штатном расписании эта дама числится техничкой.

«Что за люди?! – досадуя, подумал Губкин. – Он стоит на лестничной площадке в шикарном костюме (он же видит и себя, и её в зеркале) и, что особенно неприятно, он уже достаточно долго стоит, но никто из маститых к нему не подошёл, а эта техничка – пожалуйста, подгрелась. До чего же точно сказано: рыбак рыбака видит издалека. Как будто кто-то вездесущий наблюдает сверху, чтобы свою никчёмность уже никто и ни за каким костюмом не мог спрятать», – с жёсткой самоиронией не без горечи заключил Губкин.

– Молодой человек, вы что же, и в туалете вот так же?! – вновь прозвучал надтреснутый и всё ещё не утративший миролюбия голос.

Женщина слегка наклонилась в ожидании огонька, но теперь смотрела не на сигарету, а на Валерия Губкина. И он пришёл в себя.

– Извините, – сказал он.

Сигарета наполовину сгорела, и пепел вот-вот должен был рассыпаться. Если бы на Губкине была какая-нибудь обычная одежда вроде габардинового костюма, то он бы, не задумываясь, стряхнул пепел в карман. А тут внутренне смутился: куда стряхивать? Урны не было, а носовой платок он уже использовал.

– Не стесняйтесь, пепел – в бочку, – подсказала женщина и сказала, что этот фикус на её иждивении – она за ним ухаживает.

А-а, так она всё-таки уборщица. Впрочем, не простая, наверное, как и он, с высшим образованием, – решил Губкин и, поделившись огоньком, окончательно уверовал, что перед ним уборщица из собратьев-стихотворцев. То есть ходит на работу как техничка, а дома пишет стихи или свою повесть жизни. В какой-то миг он даже хотел сказать ей, что тоже пишет стихи, но одумался: он сюда приехал как учёный-генетик.

Однако жаль, что не сказал, поговорить не о чем. Не говорить же с ней о бонитировке племенных баранов, о селекции с использованием биологической статистики и количественной генетики – не поймёт. Да он и сам в селекции овец, кроме бонитировочного ключа, ничего не знает. Так, нахватался: Первый закон Менделя – расщепление. Второй закон Менделя – игра жизни. Икс-хромосома, игрек-хромосома, гены, которые убивают, и пошло-поехало. Лучший объект для генетических исследований – мушка дрозофила. Ну что это за учёный-генетик?! С такими знаниями не только никому ничего не объяснишь, но и сам ничего не поймёшь.

Губкин с силой вдавил сигарету в почву под фикусом.

– Вы что, уже уходите? – огорчилась техничка. – Вы так элегантны в этом чудесном костюме. Пойдите, пожалуйста, рядом. Позвольте полюбоваться на вас, – попросила техничка с такой неподдельной искренностью, что Губкин окончательно уверовал, что перед ним хотя и техничка, но не простая, а из их среды, среды завзятых стихотворцев. А уж с ними Губкин никогда не церемонился, знал, что на порядок выше

любого литобъединенца. Сам Ярослав Васильевич Смеляков недавно сделал врезку к его публикации в «Литературной России». И, словно об этой врезке вдруг стало известно собеседнице, мысленно возликовал: что, почувствовали, щелкопёры, кто перед вами?!

«Щелкопёры», «шелупонь» и другие жаргонные слова были не его, а из лексикона директора госплемстанции Василия Петровича, бывшего моряка тралфлота. Он иногда обращался к овцам, пугливо сбивающимся в кучи после стрижки: «Ну что, заморыши, начифанились?» Стало быть – наелись.

Губкин возликовал, потому что опять пришла на ум половица – рыбака рыбака видит издалека. Но теперь она по какой-то кривой, вобрав великолепие его костюма, отозвалась чувством радости – он точно знал, что скажет Аллочке. Он скажет, что костюм похвалила ученица выдающихся генетиков Дубинина и Четверикова. Да-да, того самого Дубинина, который организовал в Новосибирске Институт цитологии и генетики.

Но самой воображаемой ученице сказал (понимая, кто – он и кто – она):

– Может, вам ещё экспромт прочитать?!

– Ой! – воскликнула воображаемая ученица Дубинина и Четверикова. – Неужели это возможно?! Смилуйтесь!

Когда касалось стихов, Губкин преображался, все клетки его существа несли свой созидательный порыв вверх, к небу. Он поднял правую руку, вперив указательный палец в потолок.

– Экспромт о науке генетика, – продекламировал трагическим шёпотом Губкин.

Перед нами тёмный лес,

Полный сказочных чудес.

В нём на страже строгий Мендель,

Согрешишь – получишь пендель.

– О как! – удивилась воображаемая ученица Дубинина и Четверикова, а в конкретном восприятии Губкина – техничка или поэтесса. В общем, свой брат, стихотворец, который по всякому поводу начинает анализировать стихотворение, сверять ритм, рифму – ужасно дотошный народ. Критики из неудавшихся стихотворцев – самые занозистые и коварные.

В глаза улыбаются, а чуть отвернёшься – воткнут в спину сорок ножей как нечего делать.

– Не надо оценок, воспримите экспромт как данность, в которой преобладает не поэтическая оснащённость, а смысл науки генетика.

– Да-да, я так и восприняла, – сказала стихотворец, и Губкин впервые посмотрел на неё прямо, а не через зеркало.

Её карие глаза весело искрились, и морщинки у глаз придавали им дополнительную лучистость. Губкин совершенно не улавливал прежней надтреснутости в голосе. Её комплимент костюму, точно солнечный зайчик от её глаз, радостно пульсировал в его душе.

– Ну ладно, мне пора, – с некоторой долей сожаления сказал Губкин и посмотрел на часы, как бы намекая техничке, что всё же, в отличие от неё, он не стихотворец, а настоящий учёный-генетик, которого уже ждут в актовом зале. И, чтобы ещё больше подчеркнуть цеховое различие, указал: – А вы тут не шибко вдавайтесь в поэзию, шваброй тщательней пройдитесь вокруг фикуса. Поэтический беспорядок не всегда хорош, а в институте генетики и вовсе неуместен. Вы согласны со мной?! – строго, словно сам Мендель, поинтересовался Валерий Губкин.

– А куда денешься?! – с какой-то весёлой безысходностью развела руками стихотворец.

И Губкин пошёл, пошёл туда, где его никто не ждал, и лучше всех знал об этом он сам.

В дверях лишь на мгновение задержался – актовый зал был наполовину скорее пуст, чем полон.

Все сидели небольшими группами вразброс, но большинство учёных всё же теснились поближе к столу президиума, за которым восседал директор института академик Беляев, автор фантастической породы серебристых норок. Он сидел в вельветовой на молниях куртке с тёмным вставным верхом. Губкин никогда его не видел, но сразу почувствовал власть, исходящую от преимуществ ума, свойственных поэтам, обладающим сокровенным знанием.

Сходство академика с поэтом подтолкнуло Губкина выбрать такое место, чтобы маститые учёные, то есть гривастые, с благородными сединами, не загоразживали его.

Губкин сел обособленно от всех. Со стороны могут подумать, что он кого-то ждёт, так сказать, забронировал места для своих коллег, – непроизвольно отметил Губкин и ухмыльнулся. Кого он может ждать, разве что собеседницу на лестничной площадке? Наверное, работает шваброй и покуривает, – неожиданно позавидовал Губкин. Она покуривает, а ему надо сидеть здесь и притворяться, что он – генетик-первопроходец. Если бы здесь было зеркало, то он мог бы выбрать место получше.

Получше, чем у кого?! Губкин не успел ответить, мысль перескочила, и в мгновение ока он уже был так далеко от актового зала, что не видел и не слышал, когда вошли последние запоздавшие и когда директор института Беляев объявил конференцию открытой.

Тема конференции была достаточно смелой – «Эволюция глазами генетика».

Губкин видел учёных, они привставали, пропуская очередного выступающего, выходявшего за кафедру. Слышал первую фразу оратора: «Эволюция – исторический факт». А дальше всё преобразалось, голос микшировался и вдруг исчезал, словно монотонный шум вентилятора. И Губкин так явственно ощущал за ухом лёгкое прикосновение Алочки, что ему становилось щекотно здесь, в актовом зале института.

– Дмитрий Константинович, многие просят по этому вопросу Никоро.

Губкин подумал, что никоро – это какой-то новый термин из словаря генетиков, и уже готов был улететь в объятия своей возлюбленной, но тут подал голос Беляев.

– Зоя Софроньевна, вы здесь?

Сзади Губкина послышался стук и скрип отодвигаемых кресел.

– Дмитрий Константинович, минуту, я здесь, простите, пожалуйста, – раздался надтреснутый, ни с каким несравнимый миролюбивый голос.

«Она здесь, она – генетик, а как же цветок фикус?!» – ошалело вскинулся Губкин и вжался в кресло.

Зоя Софроньевна пробиралась к проходу как раз позади него. Губкин опустил глаза – ай-я-яй, как нехорошо вышло! Буря чувств не давала сосредоточиться. Экспромт и швабра,

словно наскაკивая друг на друга, складывались в единственно понятную, повторяющуюся мысль – строгий Мендель дал свой пендель! Строгий Мендель...

А между тем Зоя Софроньевна, пройдя мимо кафедры, взошла на небольшой подиум, подошла к обычной настенной классной доске и, взяв мел, сказала, что у неё нет никакого желания обсуждать тему: признавать или отрицать дарвиновскую теорию эволюции. Она лишь сделает сообщение с помощью доступных каждому вычислений об их лабораторных исследованиях, в которых главным вопросом они всегда считали вопрос о передаче признаков вариаций потомству.

– Да-да, мы готовы, – сказал Дмитрий Константинович и, встав, перенёс свой стул в торец длинного стола президиума, чтобы не загораживать классную доску и самому наблюдать за ходом сообщения.

– Пожалуйста, мы готовы, – опять повторил директор, и высшая математика генетики началась.

Губкин ничего не понимал, но и отвлечься не мог. Он представлял генетику вроде науки истории, а она, оказывается, требует подготовленности, как физика и химия. Всякий раз, когда Зоя Софроньевна, чтобы продолжить свои доказательства, намеревалась стереть предыдущие выкладки, директор властно останавливал: подождите, коллеги не успевают. И Зоя Софроньевна останавливалась и замирала, словно провинившаяся школьница. В это время как-то особенно отчётливо бросалось в глаза, что она уже в годах и чёрная юбка со складкой спереди надета задом наперёд. И оттого, что Губкин это замечал, он ненавидел и себя, и свой шикарный костюм, который теперь как бы свидетельствовал о его бестолковости.

Кстати, наблюдая за маститыми учёными, он обнаружил, что некоторые из них, порядком отстав, уже не утруждали себя обдумыванием, а просто срисовывали выкладки, как когда-то, наверное, срисовывали со школьной доски палочки и нолики.

Но более всех владел вниманием Губкина Дмитрий Константинович Беляев, который не только понимал логику выкладок на доске, но и замечал реакцию зала, может быть, несколько замедленную, но потому и более понятную. Губкин чувствовал, что если пойдёт в генетики, то непременно поста-

рается стать таким, как академик Беляев. Он даже представил себя на его месте – сидит курит, а Зоя Софроньевна уже занесла подушечку над формулами, чтобы освободить место для дальнейших выкладок. Пойдите, пойдите, – подражая академику, устало останавливает её Губкин и, обращаясь к такому же, как он сам, вдруг неожиданно даже для себя прозорливо заметил: – Ну что, заморыши, начифанились?!

Губкин усмехнулся: может, ему стоит всё бросить и уйти в моря, поработать матросом тралфлота, как это сделал когда-то Василий Петрович? Он уже готов был улететь с конференции вслед за своими мечтами, но тут Зоя Софроньевна Никоро в своих выкладках поставила точку. Да так резко, что из-под пальцев брызнули кусочки рассыпавшегося мела. И словно опасаясь, что её выкладки могут неправильно понять, твёрдо сказала, что наследственность вполне естественно разместилась в скобках, а среда, как не оказавшая никакого влияния на наследственность, вынесена за скобки.

И сразу же после её слов, положив в пепельницу папиросу, встал директор института Дмитрий Константинович Беляев. Он поблагодарил Зою Софроньевну за содержательное сообщение и, подождав, пока она сядет на своё место (ужасная минута для Губкина, всем существом своим вновь вжавшегося в кресло), с мягкой неоспоримостью бархатных тисков подытожил:

– Только не надо нам этих сальто-мортале, они слишком дорого обходятся нашей науке.

Он какое-то время выждал, как бы давая всем присутствующим ощутить цену смертельного кульбита, потом спросил: есть ли вопросы или предложения по ведению конференции?

Вопросы и предложения посыпались действительно как из рога изобилия. Маститые негодовали, что защита научных степеней выстроена несправедливо, особенно для первопроходцев, для тех, кто движет науку вперёд. Приводили в пример Зою Софроньевну, у неё в лаборатории работают доктора наук, а она – кандидат. Ученица выдающихся генетиков современности – Дубинина, Кольцова, Четверикова, – разве нельзя принять решение, чтобы таким учёным, как Зоя Софроньевна Никоро, присваивалась научная степень по сумме публикаций научных статей в журналах и коллективных

сборниках?! Такие, как Никоро, полностью меняют наше представление не только о генетике – о жизни.

Ученица Кольцова – цепко зафиксировал новую фамилию Губкин. О том, что она ученица Дубинина и Четверикова, он как бы уже откуда-то знал, и ему приятно было услышать о Кольцове, словно речь зашла о замечательном русском поэте, на слова которого и ныне в народе поют песни.

Однако какова его техничка-стихотворец, и, главное, не к кому-нибудь за огоньком подошла, а к нему! Вполне могла прикурить у автора породы серебристых норок, но увидела его. И сразу к Губкину. А он стоял всего лишь на лестничной площадке. Костюм, конечно, привлёк (он об этом обязательно скажет Аллочке), но всё же не в костюме дело. А в том, что рыбака рыбака видит издалека. Она почувствовала в нём не только нолики и плюсики, а самые настоящие лямбды и доминанты генетических исчислений. Губкин осторожно расправил плечи.

А между тем директор Института цитологии и генетики академик Беляев сказал, что полностью разделяет мнение учёной общественности. Зачастую первопроходцам не до научных степеней, они со времён Грегора Иогана Менделя остаются в науке не степенями, а неопровержимым научным вкладом, чего он и желает всем. Далее он объявил, что вечером в Доме учёных состоится чаепитие – вход свободный.

На чаепитии к Губкину подошла д.б.н. Галина Стáкан из лаборатории Никоро и шепнула, что его просят прочесть экспромт. Губкин вздрогнул, будто его ударило током, но потом, увидев через сдвинутые столы лучащиеся глаза и ободряющий кивок Зои Софроньевны, успокоился. Он не заставил себя упрашивать. И после экспромта, встреченного весёлыми аплодисментами, до того разошёлся, что ещё прочитал несколько студенческих стихотворений. В общем, произвёл фурор.

В гардеробной едва не налетел на директора института. Он сказал, что в секретариате внимательно ознакомился с его книгой и хочет взять Губкина в аспирантуру по теме «Генетика поведения домашних животных».

«Должно быть, это очень интересно, но если бы человека», – подумал Губкин. И академик, словно прочитал его

мысли, многозначительно прибавил, что не только домашних – возможно и другое. Что другое, он не объяснил.

– А Зоя Софроньевна Никоро – она как для вас, как для учёного-генетика?

– А почему вы спрашиваете, она что, пригласила вас к себе в лабораторию? – очень живо заинтересовался директор, и Губкину показалось, что, сам того не желая, он навёл тень на плетень. То есть не на плетень, конечно, а на Зою Софроньевну, которая теперь его интересовала так, будто выдающийся поэт.

– Нет-нет, никто меня не приглашал.

Неожиданно для себя засуетился Губкин и признался, что там, на конференции, когда он впервые услышал фамилию Зои Софроньевны, то подумал, что никоро – это какой-то новый термин в генетике.

– Никоро – новый термин?! – весело рассмеялся директор и вдруг посерьёзней. – Биография Зои Софроньевны – это действительно одна из неповторимых страниц нашей возрождающейся генетики.

Пока шли к остановке такси, Губкин узнал, что в те годы само слово генетика было новым и опасным термином, которым, словно тавро, помечали всех, кто в неё верил. И хотя директор не уточнил, какие годы имелись в виду, и без того было понятно: это годы, когда генетика в СССР считалась буржуазной лженаукой.

– Зоя Софроньевна Никоро тогда уехала в Николаев и зарабатывала на жизнь, играя на баяне в матросском клубе.

– В матросском?! – искренне удивился Губкин, чувствуя необъяснимую радость от того, что её приверженность генетике какое-то время подтверждалась игрой на баяне именно в матросском клубе.

– Тогда многие из нас выживали – каждый кто как мог. Быть генетиком значило то же самое, что быть врагом народа. Зоя Софроньевна играла на баяне и пианино, а Дубинин, наша гордость, спасался в недрах лесного хозяйства страны.

Он умолк и, как бы наблюдая за толкотнёй своих мыслей, вновь усмехнулся:

– Вот такая была терминология.

Расставаясь, директор пригласил Губкина зайти в институт, более обстоятельно побеседовать о поступлении в аспирантуру. Но Губкин ушёл в моря. А совсем недавно он прочёл в Интернете, что Зоя Софроньевна Никоро умерла в 1984 году.

Входя в когорту авторитетнейших учёных Института цитологии и генетики СО АН СССР, она так и не стала обладателем степени доктора наук.

Истинные учёные оставляют нам научные работы, учебники и учебные пособия. Они оставляют благодарных учеников и влияют на нашу жизнь. Но почему-то остаётся горечь: без Человека в человеке любое образование и наука – пустой звук.

10.06.2012 г., Крым